

A man in a dark coat stands on a rocky shore, looking across a calm reservoir. In the distance, there are houses and a small bridge. The water reflects the sky and the buildings. A bright, glowing green spot is visible in the water, possibly a fire or a light source. The sky is dark with a few clouds and a small, bright light source (possibly the moon or a star) in the upper right corner.

Владимир Кожевников

Водохранилище

Владимир Кожевников

Водохранилище

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Водохранилище / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Нэйтан Кроу, бывший следователь, возвращается в родной Хармони спустя двенадцать лет, чтобы ухаживать за умирающей матерью. В первый же вечер он замечает, что уровень воды в местном водохранилище упал до рекордной отметки. Обнажились фундаменты домов, затопленных при строительстве плотины в 1962 году. Вместе с илистым дном из-под воды поднимается то, что жители предпочли бы оставить на дне. Нэйтан находит тело подростка — утонувшего много десятилетий назад, но не разложившегося. Его расследование переплетается с судьбами пастора, потерявшего веру, девочки, слышащей голос из-под воды, и старухи, которая знает слишком много. Городок замер в ожидании. Вода отступает, но не уходит навсегда. Что скрывает водохранилище? И чем придётся заплатить, чтобы это осталось под водой?

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Падение воды	5
Глава 2. Голоса под водой	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Кожевников

Водохранилище

Глава 1. Падение воды

Дорога в Хармони всегда напоминала Нэйтану Кроу незаживающий шрам.

Она начиналась с шоссе номер два — широкого, отлакированного дождём асфальтового полотна, по которому фуры неслись с той бездумной уверенностью, какую даёт человеку скорость и расстояние. Но стоило свернуть на двадцать седьмое, как мир начинал разваливаться по швам. Асфальт сменялся щербатым гравием, сосны подступали ближе, и где-то на середине пути — Нэйтан всегда чувствовал это место кожей, как старый перелом ноет перед дождём, — воздух становился плотнее, как будто его пропитали чем-то древним и терпеливым.

Он вёл «форд» одной рукой, а вторую держал на колене — старая привычка, оставшаяся от времён, когда в другой руке лежал пистолет. Двенадцать лет. Двенадцать лет он не видел эту дорогу, не вдыхал этот воздух, не слышал, как шины шуршат по гравию с тем характерным звуком, который невозможно спутать ни с чем — будто кто-то пересыпает кости в жестяной банке.

«Вы должны приехать», — сказала медсестра по телефону. Голос у неё был ровный, профессионально-бесцветный, но где-то на дне его Нэйтан уловил тень осуждения. Или ему показалось. В последние годы ему многое казалось.

Он не спрашивал, сколько ей осталось. Не потому, что боялся услышать ответ, — просто не знал, что с ним делать. Смерть была для Нэйтана рабочим инструментом: он умел её читать по синюшным пятнам, по углу, под которым тело встретило землю, по тому, как сворачивается кровь на разных поверхностях. Но смерть матери — это была другая территория, карта без координат, и он понятия не имел, как по ней двигаться.

Он ехал, потому что не мог не ехать. Потому что двенадцать лет назад, когда он уходил из этого дома — хлопнув дверью, не обернувшись, — мать сказала ему в спину: «Ты вернёшься. Не ко мне — к себе». Он не понял тогда. Не понял и сейчас. Но слова застряли где-то под рёбрами, как осколок, и все эти годы он чувствовал их — при каждом вдохе, при каждом повороте, при каждом моменте тишины, когда нечем было заглушить.

Хармони появился из-за поворота внезапно, как это бывает только с местами, которые ты помнишь настолько хорошо, что они перестают существовать в реальности и становятся декорацией. Городок лежал в низине, окружённый невысокими холмами, поросшими смешанным лесом — сосна, берёза, кое-где дуб. Дома жались к единственной улице, которая вилась вдоль берега водохранилища, и в вечернем свете — а дело шло к закату, небо на западе уже наливалось тем густым оранжевым, что бывает только в конце октября, — вода казалась расплавленным оловом.

Нэйтан припарковался у старой заправки, которая, судя по выцветшей вывеске и заколоченным окнам, не работала уже лет десять. Вышел из машины. Размял затёкшую спину — сорок четыре года давали о себе знать, особенно после шести часов за рулём. Воздух ударил в лицо сыростью и гнилью — запах стоячей воды, разлагающейся листвы, и ещё чего-то, что он не смог сразу идентифицировать. Что-то сладковатое. Тошнотворное. Как будто где-то поблизости разлили сироп — и он начал бродить.

Он постоял минуту, глядя на воду.

Водохранилище Хармони было создано в шестьдесят втором — плотину построили в рамках какой-то федеральной программы электрификации, и долина, где раньше стоял старый город, ушла под воду. Нэйтан помнил рассказы матери: как людей выселяли, как они сопро-

тивлялись, как некоторые отказывались уезжать и их выводили силой. Он тогда был ребёнком и воспринимал это как сказку — страшную, но далёкую. Теперь, глядя на воду, он видел то, чего не замечал раньше.

Вода стояла низко.

Очень низко.

Он знал это не потому, что помнил уровень — за двенадцать лет он мог измениться сколько угодно. Нет, он видел это по береговой линии. Там, где должна была быть вода, теперь простиралась полоса обнажённой земли — тёмной, жирной, покрытой слоем ила, который блестел в свете заката, как кожа какого-то огромного, только что родившегося существа. Из этого ила торчали предметы. Много предметов. Нэйтан прищурился, пытаясь разглядеть.

Фундаменты. Он видел фундаменты домов — серые бетонные кубы, облепленные грязью, с зияющими провалами подвалов. Дальше — остовы деревьев, чёрные, мёртвые, похожие на обугленные скелеты. Ещё дальше — что-то, что могло быть остатками забора. Или, возможно, чем-то другим.

Он достал телефон, открыл карту. Согласно данным, уровень воды в водохранилище был на отметке минус тринадцать метров от нормального подпорного уровня. Рекордно низкий. Ниже, чем когда-либо за всю историю наблюдений.

«Интересно», — подумал Нэйтан без особого интереса. Это был рефлекс — профессиональный взгляд, который всё ещё жил в нём, несмотря на то что он сам делал всё, чтобы его убить. Пять лет в полиции штата, три из них — в отделе убийств. Потом — показания. Потом — приговор, который получил не тот человек. Потом — увольнение. Потом — дно.

Он не собирался копать. Он собирался приехать, сделать то, что должен, и уехать. Быстро. Чисто. Без следов.

Нэйтан вернулся в машину и поехал к дому матери.

Дом стоял на холме, чуть в стороне от основной улицы — так, чтобы вода не доставала. Белый сайдинг, облупившийся местами, крыльцо с тремя ступенями, которые всегда скрипели. Голубые ставни — мать красила их каждые два года, и Нэйтан помнил, как в детстве помогал ей, держал кисть, пока она наносила ровные мазки.

Сейчас ставни были серыми.

Он поднялся по ступеням. Скрипнула вторая — как всегда. Открыл дверь — не заперто, мать никогда не запирала. Внутри пахло лекарствами, старой мебелью и чем-то ещё — сладковатым, густым, тяжёлым, как у водохранилища, только слабее.

— Нэйтан?

Голос был слабый, но узнаваемый. Он прошёл через гостиную — по пути отметив, что всё осталось почти как было: тот же диван с выцветшей обивкой, те же фотографии на стенах, тот же старый телевизор, который, судя по пыли, не включали годами, — и вошёл в спальню.

Мать лежала на кровати. Она была маленькой — гораздо меньше, чем он помнил. Болезнь съела её, как вода съедает берег: медленно, но неумолимо. Кожа обтягивала кости, как пергамент, глаза ввалились, но в них всё ещё горел тот самый огонь, который Нэйтан помнил с детства — упрямый, несгибаемый, чуть насмешливый.

— Ты приехал, — сказала она. Не спросила — констатировала.

— Приехал, — ответил он.

Они смотрели друг на друга. Двенадцать лет — это много. Достаточно, чтобы забыть, как звучит голос, как пахнет кожа, как выглядят руки. Но Нэйтан помнил. И, судя по тому, как дрогнули её губы, она тоже помнила.

— Вода ушла, — сказала мать.

Нэйтан нахмурился.

— Что?

— Вода ушла, — повторила она. Голос стал твёрже. — Ты видел?

— Видел. Уровень низкий.

— Низкий, — усмехнулась она. Усмешка вышла кривой — половина лица не слушалась после второго инсульта. — Он не низкий. Он открылся. То, что было внизу, теперь наверху.

Нэйтан подошёл ближе, сел на стул рядом с кроватью. Стул был жёсткий, неудобный — мать никогда не любила мягкую мебель, говорила, что она расслабляет.

— О чём ты?

Она повернула голову, посмотрела на него — прямо, без жалости, как умела только она.

— Ты помнишь Элиаса Вейна?

Нэйтан вздрогнул. Это имя он не слышал много лет. Элиас Вейн был стариком, который жил на отшибе, у самой плотины, и которого в городе считали сумасшедшим. Он умер, когда Нэйтану было двенадцать. Говорили, что он утонул — сам пошёл в воду и не вышел. Нэйтан помнил его смутно: высокий, сгорбленный, с длинной белой бородой, он всегда носил с собой мешочек, в котором что-то позвякивало. Камни. Теперь Нэйтан вспомнил — камни.

— Помню. Он был...

— Он был не сумасшедший, — перебила мать. — Он знал. Он был там, когда строили плотину. Он видел, что нашли.

— Что нашли?

Мать замолчала. Долго. Так долго, что Нэйтан решил, что она заснула. Но потом она заговорила снова — тихо, почти шёпотом:

— Камни. Спирали. Их было много. В фундаменте старой церкви. Рабочие хотели остановить стройку, но им заплатили. Всем заплатили. И они залили это бетоном. А потом вода сделала остальное.

— Мама, я не понимаю.

— И не надо. Пока не надо. — Она закрыла глаза. — Просто будь здесь. Когда вода уйдёт совсем, ты увидишь. И тогда вспомнишь.

— Что вспомню?

— Всё.

Она уснула — или сделала вид, что уснула. Нэйтан посидел ещё немного, глядя на её лицо, на то, как болезнь стёрла с него почти все знакомые черты, оставив только упрямство и что-то ещё — страх? Нет, не страх. Предвкушение.

Он вышел из дома. Солнце почти село, небо на западе догорало, как угли в потухшем костре. Нэйтан постоял на крыльце, вдыхая холодный воздух, и снова посмотрел на водохранилище.

Вода блестела внизу, тёмная и гладкая, как зеркало. И в этом зеркале отражалось что-то, чего не было на небе, — какие-то тени, движения, слишком быстрые для облаков и слишком неправильные для птиц. Нэйтан смотрел на воду, и ему казалось, что вода смотрит на него в ответ. Не отражает — именно смотрит. Как будто под поверхностью — не глубины, а что-то другое. Что-то, что ждало. Что-то, что знало его имя.

Нэйтан вернулся в машину, достал из бардачка фонарь и старый служебный блокнот — привычка, от которой он не смог избавиться. Потом поехал к берегу.

Он не собирался копать. Просто посмотреть. Один раз. Чтобы убедиться, что мать ошибается.

Берег встретил его тишиной. Той особенной тишиной, которая бывает только у воды — когда нет ветра, нет птиц, нет насекомых, и кажется, что весь мир затаил дыхание. Нэйтан вышел из машины, включил фонарь, хотя ещё было достаточно светло — сумерки только начались, — и пошёл по обнажившемуся дну.

Ил чавкал под ногами. Пахло гнилью и ещё чем-то — сладковатым, густым, тяжёлым. Фундаменты домов возвышались вокруг, как надгробия. Нэйтан посветил на один из них —

бетон был покрыт слоем зелёной слизи, водоросли и мох, которые выжили в темноте, теперь медленно умирали на воздухе.

Он шёл дальше. Мимо остова дерева, мимо чего-то, что могло быть ржавой тележкой, мимо груды камней, которые когда-то были стеной.

И тут он увидел следы.

Они начинались у воды — там, где ещё оставалась тёмная полоса, — и вели вглубь берега. Босые. Детские. Много. Нэйтан присел, осветил фонарём. Следы были глубокие, чёткие, как будто оставлены вчера. Или сегодня. Но это было невозможно — ил подсох, затвердел, и чтобы оставить такие следы, нужно было идти по нему, когда он был ещё мягким.

Нэйтан пошёл по следам. Они петляли между фундаментами, огибали остовы деревьев, и вели — он понял это, когда прошёл метров пятьдесят, — к тому, что когда-то было церковью. Он узнал её по остаткам фундамента — более массивного, чем у жилых домов, с характерными выступами, которые могли быть контрфорсами.

Следы обрывались у входа.

Нэйтан осветил внутрь. Фундамент был заполнен илом, но в центре, там, где когда-то был пол, ил был потревожен — как будто что-то выкопали. Или закопали.

Он шагнул внутрь. Ил чавкнул, провалился под ногой — Нэйтан потерял равновесие, схватился за край фундамента, и фонарь выпал из руки. Луч упал на что-то в углу.

Тело.

Оно лежало на спине. Мальчик. Лет четырнадцать, может, пятнадцать. Волосы тёмные, спутанные, покрытые илом. Глаза закрыты. Одежда — что-то старое, несовременное: рубашка с длинными рукавами, брюки, которые когда-то были тёмными. На ногах — ботинки, разбухшие от воды.

Нэйтан поднял фонарь, осветил на лицо. Кожа была бледная, но целая — ни следов гниения, ни следов животных, ни малейшего признака того, что тело провело под водой десятилетия.

И тут мальчик открыл глаза.

Нэйтан отшатнулся. Сердце ударило в горло — раз, другой, третий. Он стоял, не дыша, глядя, как мальчик смотрит на него — спокойно, без страха, без удивления. Как будто ждал.

— Ты пришёл, — сказал мальчик. Голос был тихий, но отчётливый. — Она сказала, что ты придёшь.

Нэйтан не мог говорить. Не мог двигаться. Он стоял и смотрел, как мальчик медленно садится — ил стекал с его одежды, с волос, с лица, — и поднимает руку. В кулаке у него был камень. Гладкий, чёрный, отполированный водой до блеска. На камне была вырезана спираль.

— Возьми, — сказал мальчик. — Это твоё. Ты оставил его здесь, когда был маленьким.

Нэйтан протянул руку. Пальцы коснулись камня — холодного, гладкого, — и в этот момент что-то произошло. Как будто внутри головы открылась дверь, которую он сам замуровал много лет назад. Он вспомнил. Себя — маленького, лет шести. Как он стоял на этом самом месте — тогда здесь была церковь, настоящая, не под водой, — и Элиас Вейн, старик с белой бородой, дал ему этот камень. «Держи, мальчик. Пока ты его держишь, ты помнишь. Когда потеряешь — забудешь. Но камень вернётся. Они всегда возвращаются».

Нэйтан тогда не понял. Он потерял камень — или выбросил, не помнил. А теперь камень вернулся.

Мальчик улыбнулся. И закрыл глаза. И снова лёг.

Нэйтан стоял, глядя на него. Потом посмотрел на камень в своей руке. Потом — на воду, которая виднелась вдалеке, за фундаментами.

Вода начала подниматься.

Медленно, почти незаметно, но она поднималась. Нэйтан видел, как тёмная полоса приближается, как ил темнеет, напитываясь влагой, как вода возвращается — не как вода, а как что-то другое. Что-то живое. Что-то, что проснулось.

Он положил камень в карман. Взял тело мальчика — оно было лёгким, слишком лёгким, — и понёс к машине. Он не знал, что с ним делать. Не знал, кому звонить. Но он знал, что не может оставить его здесь.

По дороге к машине он споткнулся. Посветил вниз.

Из ила торчала рука. Детская. Маленькая. Пальцы были сжаты в кулак.

Нэйтан не стал разжимать. Он просто пошёл дальше.

За его спиной вода поднималась. Медленно. Как будто просыпалась.

Глава 2. Голоса под водой

Пастор Иеремия Уайт не верил в бога уже три года.

Это не было кризисом веры в том смысле, который вкладывают в это слово богословы, — мучительные поиски, сомнения, борьба с ангелом до рассвета. Нет, это было хуже. Это была пустота. Как будто внутри него кто-то выключил свет, и он всё ещё ходил по комнате, натываясь на мебель, но не мог найти выключатель. Он всё ещё вёл службы, всё ещё произносил проповеди, всё ещё утешал прихожан — но каждое слово давалось ему с трудом, как будто он говорил на чужом языке, которого не понимал.

Три года назад умерла его жена. Рак. Быстрый, агрессивный, беспощадный. Пастор молился — дни и ночи, стоя на коленях, до крови, до потери сознания. Он молился так, как не молился никогда в жизни. И ничего не произошло. Она умерла в больнице, одна, ночью, и медсестра сказала, что последнее, что она прошептала, было его имя. Но он не успел. Не успел приехать, не успел попрощаться, не успел сказать ей то, что должен был сказать.

После похорон он вошёл в церковь, встал перед алтарём и ждал. Ждал, что что-то произойдёт. Что бог ответит. Что будет знак. Но ничего не было. Только тишина. Такая тишина, что он слышал, как бьётся его собственное сердце. И тогда он понял, что бога нет. Или что бог есть, но ему всё равно. И то, и другое было одинаково невыносимо.

В ту ночь, когда вода ушла, он стоял у окна своего дома — старого пасторского дома, построенного ещё в прошлом веке, с высокими потолками и скрипучими половицами, — и смотрел на водохранилище. Оно лежало внизу, тёмное и гладкое, как огромный чёрный глаз, и в этом глазу отражалась луна — бледная, призрачная, как утопленница.

Пастор знал, что вода ушла. Он видел это днём, когда ходил к берегу. Видел обнажившиеся фундаменты, чёрные остовы деревьев, ил, блестящий на солнце. Видел и то, что лежало на этом иле — тела. Много. Детских. Но он не сказал об этом никому. Не потому, что боялся, — он давно уже ничего не боялся. Просто не знал, что с этим делать. И ещё — он не был уверен, что видел это на самом деле. В последние годы ему часто казалось, что он видит то, чего нет.

Он отошёл от окна, сел в кресло — старое, продавленное, с запахом пыли и воска, — и закрыл глаза. В голове было пусто. Той особенной пустотой, которая приходит, когда ты перестаёшь слышать голос бога. Или когда понимаешь, что никогда его не слышал.

Стук в дверь раздался неожиданно. Пастор вздрогнул, открыл глаза. Было поздно — почти полночь. Он не ждал гостей.

Он поднялся, пошёл к двери. Открыл.

На пороге стояла девочка. Лет тринадцать, может, четырнадцать. Худая, бледная, с длинными тёмными волосами, которые падали на лицо, как занавес. Она была босиком, несмотря на холод, и её ноги были покрыты грязью — той самой, чёрной, жирной, которая остаётся, когда вода уходит.

— Пастор, — сказала она. Голос был тихий, но отчётливый. — Я слышу её.

Пастор смотрел на неё. Он знал эту девочку — её звали Лили Мэй, она была из семьи, которая жила на другом конце городка, у самой плотины. Её мать умерла прошлой зимой — утонула, провалившись под лёд. Говорили, что она пошла на водохранилище ночью, одна. Никто не знал зачем. Пастор тогда проводил похороны — и помнил, как Лили стояла у могилы, не плача, с сухими глазами, и смотрела не на гроб, а на воду.

— Что ты слышишь? — спросил пастор.

— Маму, — ответила девочка. — Она зовёт меня. Из-под воды.

Пастор почувствовал, как что-то холодное шевельнулось у него в груди. Не страх — он давно разучился бояться. Что-то другое. Что-то, что было похоже на узнавание.

— Заходи, — сказал он. — Ты замёрзла.

Она вошла. Прошла в гостиную, села на диван — маленькая, мокрая, грязная, — и посмотрела на пастора своими огромными глазами, в которых не было ни страха, ни печали. Только ожидание.

— Ты веришь мне? — спросила она.

Пастор молчал. Он не знал, что ответить. Он не верил в бога, но он верил в зло. В то, что есть вещи, которые нельзя объяснить, но которые существуют — реальные, как камень, как вода, как смерть. И он знал, что вода в Хармони всегда была неправильной.

— Расскажи мне, — сказал он. — Что ты слышишь?

Девочка закрыла глаза. Помолчала. Потом заговорила — медленно, как будто вспоминала слова на незнакомом языке:

— Она говорит: «Лили, иди ко мне. Я жду тебя. Я покажу тебе, где мама. Я верну тебе маму». — Девочка открыла глаза. — Это не мамин голос. Мама говорила по-другому. Но он похож. Как будто кто-то выучил мамины слова, но не выучил её голос.

— Когда ты это слышишь?

— Всегда. С тех пор, как вода ушла. Днём, ночью. Даже когда я сплю. Она зовёт.

Пастор подошёл к окну, посмотрел на водохранилище. Вода блестела в лунном свете, чёрная и гладкая. И в этой гладкости было что-то неправильное. Что-то, что смотрело на него в ответ.

— Ты не должна идти, — сказал он. — Слышишь? Не должна.

Девочка открыла глаза. Посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что то, что зовёт тебя, — не твоя мама. Это что-то другое. Что-то, что притворяется ею.

— Откуда ты знаешь?

Пастор не ответил. Он не знал. Но он чувствовал. Чувствовал, как что-то тянется к нему из глубины водохранилища — холодное, голодное, терпеливое. Что-то, что ждало. Что-то, что знало его имя.

— Останься здесь, — сказал он. — На ночь. Утром мы что-нибудь придумаем.

Девочка кивнула. Легла на диван, свернулась калачиком. Пастор накрыл её пледом — старым, шерстяным, который помнил ещё его мать. Потом вернулся к окну.

Вода смотрела на него.

Он смотрел на воду.

И где-то глубоко, под слоем ила и камня, что-то шевельнулось.

На другом конце городка, в старом доме у самой плотины, старуха по имени Мэйбл Торн не спала.

Она сидела в кресле-качалке, укутанная в три одеяла, несмотря на то что в доме было тепло, — и смотрела в окно. Окно выходило на водохранилище, и Мэйбл видела то, что видеть не хотела. Видела обнажившееся дно. Видела фундаменты домов. Видела тела.

Она знала, что они там. Знала с самого начала. С шестьдесят второго года, когда плотину построили, и вода поднялась, и всё, что было внизу, ушло под поверхность. Мэйбл тогда было двадцать пять. Она была молодой, красивой, и она была там — на строительстве, вместе с другими женщинами, которые готовили еду для рабочих. Она видела, что они нашли.

Камни.

Она помнила их — гладкие, чёрные, отполированные временем. На каждом была вырезана спираль. Рабочие находили их в фундаменте старой церкви — той, что стояла на холме над долиной, — и сначала думали, что это просто старые камни, индейские артефакты, ничего особенного. Но потом начали происходить странные вещи.

Люди начали забывать.

Не всё — мелочи. Имена. Лица. События. Сначала это было незаметно — кто-то забыл, куда положил инструмент, кто-то не мог вспомнить имя соседа. Но потом забывчивость стала распространяться, как болезнь. Рабочие забывали, зачем пришли на стройку. Инженеры забывали, как строить плотину. А однажды утром бригадир — здоровый мужик по имени Билл Харрис — вышел к рабочим и сказал, что не помнит, как его зовут.

Тогда-то и появился Элиас Вейн.

Мэйбл помнила его — высокого, сгорбленного, с длинной белой бородой. Он пришёл откуда-то из леса, никто не знал откуда, и сказал, что знает, что делать. Что камни нужно собрать. Все до единого. И закопать. Глубоко. Под водой. Чтобы никто никогда их не нашёл.

Люди не поверили ему. Но когда забывчивость стала угрожать всей стройке, когда рабочие начали забывать, как дышать — буквально, один умер, просто перестав дышать, — они послушались. Собрали камни. Сложили в фундамент церкви. Залили бетоном. А потом вода сделала остальное.

Мэйбл помнила, как стояла на берегу — тогда ещё берегу реки, не водохранилища, — и смотрела, как вода поднимается. Как она поглощает дома, деревья, церковь. Как она скрывает то, что они похоронили. Она помнила, как Элиас Вейн стоял рядом с ней и смотрел на воду. И как он сказал: «Это не навсегда. Вода уйдёт. И тогда они вернуться. И те, кто помнит, должны будут сделать выбор».

Мэйбл помнила. Она всегда помнила. Это было её проклятием — и её спасением. Она помнила всё, что другие забыли. И она знала, что скоро придётся выбирать.

Она медленно поднялась из кресла — кости застонали, суставы заскрипели, — и подошла к окну. Прижалась лбом к холодному стеклу. Вода блестела внизу, чёрная и гладкая. И в этой гладкости Мэйбл видела то, что видеть не хотела.

Движение.

Что-то двигалось под водой. Не рыба — слишком большое. Не течение — слишком целенаправленное. Что-то живое. Что-то, что ждало.

Мэйбл отвернулась от окна. Подошла к комоду, открыла нижний ящик. Достала старую жестяную коробку — ту, которую она не открывала шестьдесят лет. В коробке лежал камень. Гладкий, чёрный, с вырезанной спиралью.

Она взяла его в руки. Камень был холодный — всегда холодный, даже летом. И тяжёлый. Тяжелее, чем должен быть.

— Я помню, — прошептала Мэйбл. — Я помню вас всех. И я не позволю вам вернуться. Она сжала камень в кулаке. И стала ждать.

Нэйтан Кроу провёл ночь в машине.

Он не поехал в дом матери — не мог. Не после того, что нашёл. Тело мальчика лежало на заднем сиденье, укрытое старым пледом, который он нашёл в багажнике. Нэйтан сидел за рулём, глядя на водохранилище, и думал.

Он думал о том, что мальчик открыл глаза. О том, что мальчик говорил. О том, что мальчик дал ему камень — тот самый камень, который он, Нэйтан, держал в руках, когда был ребёнком. Он думал о Элиасе Вейне, о его словах, о том, что камень вернётся.

И он думал о том, что вода поднималась.

Он видел это — тёмная полоса приближалась, ил темнел, напиваясь влагой. Но когда он вернулся к машине, когда положил тело на заднее сиденье, когда обернулся — вода снова отступила. Как будто ждала.

Нэйтан достал блокнот, записал всё, что видел. Потом достал телефон — связи не было, — и закурил. Привычка, от которой он не мог избавиться, хотя бросал уже три раза. Дым поднимался в холодный воздух, растворялся в темноте.

Он думал о матери. О том, что она сказала. «Когда вода уйдёт совсем, ты увидишь. И тогда вспомнишь». Что он должен вспомнить? Что он забыл?

Он не помнил. Не помнил ничего — ни Элиаса Вейна, ни камня, ни церкви. Только смутное ощущение, что что-то было. Что-то важное. Что-то, что он потерял.

Он докурил, бросил окурочек в пустую банку из-под кофе, которая стояла в подстаканнике. Потом закрыл глаза. Сон не шёл. Слишком много мыслей. Слишком много вопросов.

Он думал о мальчике. Кто он? Откуда? Почему не разложился? Почему открыл глаза? Почему говорил?

Он думал о следах. Босые, детские, много. Кто их оставил? Когда? Почему они обрывались у церкви?

Он думал о руке, которая торчала из ила. Детская, маленькая. Пальцы сжаты в кулак. Что в кулаке? Ещё один камень? Или что-то другое?

Он думал о воде. О том, как она поднималась. О том, что она ждала. О том, что она смотрела на него.

И он думал о том, что где-то глубоко, под слоем ила и камня, что-то шевельнулось.

Он открыл глаза. Посмотрел на водохранилище. Вода блестела в лунном свете, чёрная и гладкая. И в этой гладкости он видел движение. Что-то двигалось под водой. Медленно. Целенаправленно. К берегу.

Нэйтан завёл машину. Поехал в город. Ему нужно было найти кого-то, кто знает больше него. Кого-то, кто помнит.

Он ехал по пустой улице, мимо тёмных домов, мимо закрытых магазинов, мимо старой церкви — той, что стояла на холме, настоящей, не под водой. И остановился у пасторского дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.